

**Письма к М.П. Погодину из
славянских земель**

**Выпуск 1. Письма О.М.
Бодянского**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П35

П35 Письма к М.П. Погодину из славянских земель: Выпуск 1. Письма О.М. Бодянского / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 154 с.

ISBN 978-5-458-00851-8

С предисловием и примечаниями Нила Попова.

ISBN 978-5-458-00851-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

филолога, даваго первыя основы современному славяновѣдѣнію. Вотъ какъ самъ М. П. Погодинъ дополняетъ въ своей автобіографіи свѣдѣнія о его отношеніяхъ къ славянству за это время:

„П-нъ не помнитъ времени, когда онъ началъ любить Славянъ. Кажется онъ родился съ этою любовью. Венелинъ, Карпатороссъ, жившій у него нѣсколько времени передъ тридцатыми годами, содѣйствовалъ много къ развитію этой любви, исторически и политически. Въ 1829 году напечаталъ П-нъ на свой счетъ его изслѣдованія о Болгарахъ, воспользовавшись суммою, доставленною ему чрезъ Круга, бывшимъ министромъ, княземъ Ливеномъ. На эту книгу много положилъ онъ труда касательно расположенія и выраженія. Книга была принята враждебно, преимущественно въ „Телеграфѣ“, но она первая пустила въ оборотъ мысль, что Славяне до VI столѣтія скрывались у лѣтописателей подъ другими именами, и принадлежать къ древнимъ племенамъ Европы*. Въ слѣдующемъ году устроилъ онъ путешествіе Венелина въ Болгарію на счетъ Россійской Академіи, чрезъ С. Т. Аксакова, который вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ склонилъ къ тому предсѣдателя А. С. Шишкова, пріѣзжавшаго въ ту пору лечиться въ Москву на воды. Въ 1830 году въ университетской рѣчи своей торжественно П. произнесъ свои обѣты объ единствѣ славянскаго народа и о могуществѣ Россіи, которая можетъ легко привлечь къ себѣ все его племена. Тогда же помѣтилъ онъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ сильныя замѣчанія противъ одного нѣмецкаго проповѣдника, предлагавшаго мѣры къ стѣсненію славянскаго языка въ Германіи. Съ тѣхъ поръ во всехъ своихъ изданіяхъ П-нъ твердилъ безпрестанно о Славянахъ“.**

* Въ письмѣ своемъ къ А. Х. Востокову отъ 7 окт. 1829 года М. П. Погодинъ между прочимъ писалъ: «скажите мнѣ свое мнѣніе о книгѣ г. Венелина. Я безмолвно дивился прежде, что Славяне въ 6 стол. вдругъ заняли всю средн. Европу отъ Балт. моря до Средиз. и теперь обрадовался мысли, что они прежде могли скрываться подъ другими именами». См. Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Н., т. V., вып. 2, стр. 279.

** Изъ отрывка автобіографіи М. П. Погодина, который былъ опущенъ при печатаніи ея въ „Биографическомъ словарѣ профессоровъ М. Унив.“, но нѣ-

Вторая эпоха знакомства и сношеній М. П. Погодина съ западными и южными Славянами наполнена четырьмя путешествіями его. И въ прежніе годы странствованія составляли любимый предметъ его желаній; но обстоятельства не благопріятствовали тому. Въ 1825 году Совѣтъ Московскаго Университета назначилъ его къ отправленію за границу для занятій историческихъ; но въ концѣ тогоже года, вслѣдствіе тогдашнихъ событій внутри Россіи, посылка молодыхъ людей для посѣщенія иностранныхъ университетовъ вообще была приостановлена. Въ 1826 году хотѣлъ отправить его на свой счетъ въ Италію для разысканій по русской и славянской исторіи графъ Н. П. Румянцовъ и сдѣлалъ уже все приготовленія къ тому, но внезапно скончался. Въ 1830 году Университетъ опять представлялъ о посылкѣ М. П. Погодина за границу, но новыя политическія событія въ Европѣ помѣшали исполниться и этому желанію. Только въ 1835 году, благодаря ходатайству Министра Народнаго Просвѣщенія С. С. Уварова, М. П. Погодинъ былъ уволенъ въ заграничный отпускъ. Во время этого перваго путешествія, Погодинъ, по его собственнымъ словамъ, относящимся къ 1854 году, жилъ долго въ Прагѣ „и заключилъ дружескую связь съ Шафарикомъ, которая продолжается до сихъ поръ, составляя украшеніе его жизни“.

Павель Іосифъ Шафарикъ, глубокий изслѣдователь Славянской старины (род. 13 мая 1795 г., умеръ 24 іюня 1861 г.), за два года предъ тѣмъ переселившійся изъ Новаго Сада въ Прагу и поддержанный на первыхъ порахъ нравственно и матеріально Палацкимъ, Юнгманомъ, Преслемъ и другими, извѣстный уже и въ Россіи чрезъ П.И. Кеппена, съ которымъ онъ познакомился еще въ 1822 году, оканчивалъ во время пріѣзда Погодина въ Прагу многолѣтнія работы надъ важнѣйшимъ изъ своихъ сочиненій*. Въ немъ громадный ученый трудъ со-

которымъ соображеніямъ того времени, и помѣщенъ уже въ „Моск. унив. извѣстїяхъ“ за 1874 годъ. № 9, стр. 205—209.

* *Slovanske starožitnosti. V Praze, 1836—1837.* Второе изданіе въ собраніи сочиненій Шафарика, изданномъ подъ редакціей Іосифа Пречка въ 1861—1863.

единенъ былъ съ теплою сердечною любовью къ самому предмету изслѣдованія. Эта характеристическая черта въ сочиненіи Шафарика была позднѣе подмѣчена и вѣрно обрисована однимъ нѣмецкимъ ученымъ К. Ф. Нейманомъ, который въ 1867 году сказалъ о ней: „какъ высоко стоятъ въ этомъ отношеніи „Славянскія Древности“ надъ всѣми сочиненіями въ нашей литературѣ, разсуждающими о подобныхъ предметахъ! Тутъ нѣтъ бездушнѣйшей обстоятельности, которая, разсыпаясь въ подробностяхъ безъ конца, повергаетъ всю собранную ею смѣсь подъ ноги читателю, чтобы онъ самъ выбрался изъ ней и самъ создалъ для себя мнѣніе; у славянина любовь до такой степени торжествуетъ надъ обратившеюся въ прахъ древностью, что совершенно оживляетъ ее и облекаетъ въ органическую форму“ *—Судьба не могла послать Погодину лучшаго руководителя при знакомствѣ съ той начальной эпохой въ исторіи Славянъ, когда ихъ многочисленныя племена жили еще одними обычаями и преданіями, какъ Шафарикъ.

Вотъ какъ самъ Погодинъ описывалъ позднѣе свое первое знакомство съ Шафарикомъ и свои разговоры съ нимъ во время уединенныхъ прогулокъ: „Сохранить языкъ въ устахъ народа—вотъ наше предназначеніе, и больше ничего. Ни о чемъ другомъ мы не должны заботиться. Это не наше дѣло. Да будетъ угодно Богу,—сказалъ Шафарикъ, и началъ развивать передо мною исторію судебъ славянскихъ, прошедшихъ и настоящихъ; рѣчь его текла спокойной, величественной струей. Сознаніе достоинствъ своего народа, горячая любовь къ нему, убѣжденіе въ великомъ предназначеніи, какое-то священное терпѣніе, не позволяющее ни жалобы, ни ро-

Русскій переводъ Бодянского, впрочемъ не доведенный до конца и изданный не вполне исправно, а потому пересмотрѣнный и оконченный десять лѣтъ спустя, появился вслѣдъ за первымъ изданіемъ; польскій, исполненный др. Г. Н. Боньковскимъ, напечатанъ былъ въ Познани въ 1842—43 годахъ; а нѣмецкій, принадлежащій Мозигу Эренфельду (Mosig Aehrenfeld), известному въ сербско-дужицкой литературѣ подъ именемъ М. Класнопольскаго, изданъ въ Лейпцигѣ въ 1843—44 годахъ, но не свободенъ отъ ошибокъ.

* Срв. мою статью: „М. П. Погодинъ какъ славянскій публицистъ“ въ 2 книгѣ сборника „Родное племя“, стр. 1—21.

пота, вѣра въ Провидѣніе.—вотъ чѣмъ было проникнуто всякое его слово. Я увидѣлъ ясно различіе между пылкимъ, стремительнымъ юношей, который думаетъ только о завтрашнемъ днѣ, и опытнымъ мужемъ, считающимъ вѣками; я увидѣлъ ясно различіе между постояннымъ убѣжденіемъ, зрѣлымъ плодомъ долговременнаго размышленія, и мгновеннымъ порывомъ, я повялъ, что значить зависѣть отъ минуты и господствовать надъ временемъ. Какая высокая рѣчь! Ни одного имени, ни одного лица не упоминалъ Шафарикъ; только племена, народы занимали его. Онъ не удостоивалъ почти вниманіемъ ежедневныхъ происшествій, и говорилъ о вѣковѣчныхъ послѣдствіяхъ. Что за величественное спокойствіе! Увѣренность въ святости дѣла, въ высокости своего призванія, изображалась на его лицѣ, слышалась въ звукахъ его голоса. Я внималъ великому мужу, не смѣя дохнуть, опасаясь проронить одно слово, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ. Казалось, что я слышу голосъ съ того свѣта, что предъ мною стоитъ мужъ временъ апостольскихъ“*.

Погодинъ, возвратившись въ Москву спѣшить помочь изданію въ свѣтъ сочиненія Шафарика въ русскомъ переводѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и Шафарикъ, оканчивая печатаніемъ свой трудъ, выразилъ въ предисловіи къ одному изъ его выпусковъ дружественныя чувства въ отношеніи къ Погодину, присоединивъ его имя къ имени Палацкаго. Съ послѣднимъ (род. іюля 1798 г., ум. 26 мая 1876 г.) Погодинъ также близко познакомился. Онъ уже былъ извѣстенъ своимъ критическимъ сочиненіемъ о чешскихъ лѣтописцахъ и біографіей Добровскаго, занимался тогда собираніемъ матеріаловъ для исторіи чешскаго народа и готовился къ путешествію въ Италію для изученія римскихъ архивовъ. Погодинъ познакомился также съ Юнгманомъ (род. 16 іюля 1773 года, ум. 16 ноября 1847 года), который, во время самаго пребыванія Погодина въ Прагѣ, началъ печатаніе своего огромнаго

* См. „Годъ въ чужихъ краяхъ (1839). Дорожный дневникъ М. Погодина“ ч. I. (Москва 1844), стр. 113—114. На этихъ страницахъ и на ближайшихъ къ нимъ М. П. Погодинъ рассказываетъ о своемъ первомъ пребываніи въ Прагѣ.

словаря Чешскаго языка. Вячеславъ Ганка (род. 10 іюня 1791 г., ум. 12 января 1861 г.), прославившійся открытіемъ Краледворской рукописи, заключающей въ себѣ памятники древней чешской поэзіи, главный бібліотекаръ Чешскаго Музея, радушно встрѣчавшій всѣхъ русскихъ, посѣщавшихъ Прагу, конечно былъ для Погодина своимъ человѣкомъ. Поэтъ Челаковскій (род. 7 марта 1799 г., ум. 5 августа 1852 г.), извѣстность котораго началась съ 1829 года, когда изданы были его „Русскія пѣсни,“ только что занялъ кафедру Чешскаго языка въ Пражскомъ университетѣ, какъ Погодинъ пріѣхалъ въ Прагу. Можно было бы назвать еще нѣсколько славныхъ въ чешской странѣ именъ, которыя стали тогда извѣстны Погодину не по однимъ только слухамъ. О всѣхъ этихъ людяхъ, посвятившихъ себя умственному и народному возрожденію своего племени, Погодинъ такъ отозвался въ вышеупомянутомъ отрывкѣ изъ его автобіографіи: „Я видѣлъ ихъ труды, старанія, жертвы для сохраненія языка въ устахъ народа, принялъ къ сердцу ихъ судьбу и рѣшился содѣйствовать имъ всѣми своими силами.“

Изъ Праги Погодинъ отправился въ Вѣну и изъ знакомствъ, которыя онъ здѣсь завязалъ, конечно самыя важныя были съ Копитаромъ и Караджичемъ, обязаннымъ Копитару нравственною поддержкою и ученою помощію при началѣ своей литературной дѣятельности. Вареоломей Копитаръ (род. 23 августа 1780 г., ум. 11 мая 1844 г.), извѣстный славянскій филологъ, изготавлялъ тогда къ печати свое изслѣдованіе о глаголитѣ, одномъ изъ видовъ старославянскаго письма, нынѣ уже почти неупотребляемомъ, и въ слѣдующемъ году появился въ свѣтъ этотъ трудъ подъ заглавіемъ: „*Glagolita Klotzianus*.“ Вукъ Стефановичъ Караджичъ (род. 26 октября 1787 г., ум. 26 января 1864 г.), уже во время перваго знакомства съ нимъ Погодина, пользовался европейскою извѣстностью: авторъ словаря и грамматики сербскаго языка, собиратель народныхъ сербскихъ пѣсенъ, которыя онъ издалъ въ четырехъ книгахъ, авторъ нѣсколькихъ историческихъ сочиненій о Сербіи, Караджичъ приготавлялъ тогда къ изданію сборникъ сербскихъ пословицъ и готовился къ своимъ обширнымъ путешествіямъ.

віямъ по южнославянскимъ землямъ. Послѣ этого перваго знакомства Погодина съ пражскими и вѣнскими учеными, начались непрерывныя сношенія его съ славянскими литераторами, которымъ онъ, возвратившись въ Москву, сталъ посылать всѣ русскія замѣчательныя книги, преимущественно по исторіи, филологіи и богословію: въ Прагу, Вѣну, Загребъ, Бѣлградъ, Краковъ, Львовъ, Карловцы, Пресбургъ, Пештъ и т. д. Съ этого же времени чрезъ Погодина московскіе друзья славянства начали высылать денежныя пособія для литературныхъ и народныхъ предпріятій въ славянскихъ земляхъ.

Въ 1839 году Погодинъ снова посѣтилъ Славянскія земли. На этотъ разъ онъ побывалъ въ Варшавѣ. Онъ познакомился здѣсь съ Линде (род. 1771 г., ум. 8 августа 1847), это уже былъ человѣкъ, выполнившій свои ученые задачи и наиболѣе прославившійся своимъ шеститомнымъ словаремъ польскаго языка. Однакожъ Погодинъ засталъ его, при посѣщеніи своемъ, занимающимся надъ сравнительнымъ словаремъ славянскихъ нарѣчій. Разговоръ между ними обратился, разумѣется, тотчасъ же на этотъ предметъ. „Линде, говорилъ потомъ Погодинъ, прочиталъ мнѣ нѣсколько словъ; въ примѣчаніяхъ, прилагаемыхъ къ каждому слову, разсыпано богатою рукою множество новыхъ мыслей, объясняющихъ идеологию, философію языка; отъ нѣкоторыхъ, напримѣръ „господинъ“ и „гость,“ я былъ просто въ восхищеніи. Вотъ полный источникъ для исторіи народовъ,—источникъ, о которомъ не могли и помышлять наши отцы. Съ другой стороны сколько здѣсь пищи для философіи, философіи живой, положительной: генеалогія понятій, развитіе ихъ, отношеніе міра вещественнаго къ отвлеченному. Вотъ гдѣ заключается древнѣйшая исторія народа—какъ молоды передъ нею лѣтописи! Линде намѣренъ представить нѣсколько буквъ на судъ Россійской Академіи. Современнаго окончанія ожидать нечего, хотя матеріаловъ собрано на десять томовъ. Еслибъ однакожъ дать Линде человѣка три молодыхъ помощниковъ, которые исправляли бы черновую работу, напр. приводили въ порядокъ его лоскутики, подбирали ихъ подъ алфавитъ, дѣлали по его указаніямъ выписки, то исполинская работа его могла бы под-

вигаться быстро, и знаменитый старецъ можетъ быть успѣлъ бы свести куполъ своего великаго храма. Сравнительный словарь, въ которомъ очевидно является сродство всѣхъ нарѣчій, есть дѣло политически важное, не только ученое. Мы должны бы заказать его; а къ нашему счастью первый славянопольскій ученый принимается за оное по собственному влеченію! У насъ мало еще охотниковъ между молодыми людьми заниматься настоящимъ дѣломъ, а еслибъ были, то какую пользу могли бы они получить для себя на всю жизнь, работая подъ руководствомъ такого филолога? * Линдомъ надобъ воспользоваться. Ему жить не долго. Линде говорить очень ясно; впрочемъ кому же и говорить ясно, какъ не лексикологу, у котораго всѣ слова находятся въ распоряженіи, какъ у царя. Линде жаловался на недостатокъ русскихъ книгъ, особенно новыхъ, необходимыхъ для его занятій. Я взялъ у него записку съ тѣмъ, чтобъ при помощи своихъ знакомыхъ доставить ему хотя нѣсколько. Оставляя маститаго старца, я поклонился ему, въ знакъ глубочайшаго моего почтенія къ его трудамъ и заслугамъ, и благодарности къ его радушному и дружескому приему. ** Вторымъ замѣчательнымъ ученымъ, съ которымъ познакомился Погодинъ въ Варшавѣ, былъ Мацѣевскій. „Мы безпрестанно были вмѣстѣ, пишетъ Погодинъ въ своемъ „Дорожномъ дневникѣ,“ и говорили много объ исторіи русской и польской, о Галиціи и Польшѣ, объ отношеніи Русскихъ къ Полякамъ, о духѣ народномъ, о воспитаніи. Какъ горько онъ сѣтуетъ на революцію (1831 г.), которая остановила было развитіе! Онъ понимаетъ ясно положеніе Польши и для блага ея желаетъ союза съ Россіей.“ Мацѣевскій былъ уже извѣстенъ тогда „Исторіей славянскихъ

* «Что тогда было моимъ желаніемъ, то теперь исполнилось: министръ народнаго просвѣщенія отрядилъ къ Линде двухъ учениковъ пашинъ, кандидатовъ Московскаго Университета Паплонскаго и Шове, которыхъ принялъ подъ свое особенное покровительство. Я получилъ нѣсколько уже писемъ отъ Линде, довольнаго молодыми учениками во всѣхъ отношеніяхъ,» — прибавляетъ Погодинъ въ примѣчаніи.

** Годъ въ чужихъ краяхъ (1839). Дорожный дневникъ, М. Погодина. Ч. I (М. 1844), стр. 50—52.

законодательствъ“ и изданіемъ „Памятниковъ,“ которые служили дополненіемъ къ первому сочиненію. Когда Погодинъ познакомился съ Мацѣвскимъ, послѣдній приготавливалъ новое изданіе своего главнаго труда. „Изъ четырехъ частей выросло теперь шесть, сказано въ „Дорожномъ дневникѣ,“ и все сочиненіе переработано, дополнено, снабжено новыми доказательствами, вслѣдствіе нѣсколькихъ путешествій, предпринятыхъ; авторомъ въ славянскія страны: Чехію, Силезію, Моравію, Венгрію, Галицію, гдѣ нашель онъ много новыхъ для себя матеріаловъ. Главная мысль его: Славяне одинъ народъ, раздѣленный на разныя племена; духъ законовъ ихъ одинъ и тотъ же, принявшій разныя формы, вслѣдствіе разныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ“ *. Кромѣ того въ Варшавѣ Погодинъ познакомился съ Феликсомъ Бентковскимъ (род. въ 1781 г., ум. въ 1852 г.), первымъ по времени польскимъ бібліографомъ, положившимъ своими трудами прочное основаніе для исторіи польской литературы, и Адрианомъ Крыжановскимъ (ум. въ 1852 г.), математикомъ, занимавшимся и культурною исторіей древней Польши. Изъ Варшавы Погодинъ переѣхалъ въ Бреславль, гдѣ узналъ профессора тамошняго университета, родомъ Чеха, знаменитаго фізіолога Пуркинью (род. 17 декабря 1787, ум. 29 іюля 1869 г.). Это былъ человекъ съ замѣчательнымъ общимъ образованіемъ, знакомый со всѣми славянскими литературами и мечтавшій въ то время объ учрежденіи училища для естественныхъ наукъ, гдѣ дѣти, съ самаго нѣжнаго возраста по всѣмъ степенямъ духовнаго развитія, приготавлились бы ученымъ образомъ практически и теоретически къ познанію природы съ тою цѣлю, чтобы со временемъ сдѣлаться ея испытателями **. Не задолго передъ тѣмъ Пуркинью представилъ прусскому министерству подробный особый планъ практическаго института для фізіологіи, который и былъ принять, и въ то же время изучалъ фізіологію языка вообще, за-

* Годъ въ чужихъ краяхъ, ч. 1, стр. 53—54.

** Годъ въ чужихъ краяхъ, ч. 1, стр. 86. Погодину хотѣлось переманить Пуркинью въ Бреславль для преобразованія тогдашняго Демидовскаго Лицея по этому плану.

нимался переводомъ на чешскій языкъ Тассова „Іерусалима“ октавами, выписывалъ всѣ замѣчательныя русскія книги и читалъ ихъ въ кругу молодыхъ своихъ пріятелей. Любопытно, что именно послѣ знакомства съ Шуркинѣй Погодинъ занесъ въ свой „Дневникъ“ слѣдующія слова: „Понятія о Славянахъ вообще очищаются у меня; чтобы судить вѣрно, надо видѣть все самому, надо переслушать людей съ разными взглядами.“

Изъ Силезіи Погодинъ переѣзжаетъ въ Чехію и снова видится съ своими прежними знакомцами; опять удивляется Шафаріку и его многообъемлющимъ свѣдѣніямъ о Славянахъ. „Трудно вообразить, замѣчаетъ онъ въ своемъ „Дневникѣ“, такую любовь къ народу и равное участіе въ судьбѣ всѣхъ разнообразныхъ племенъ. Нужны были особенныя обстоятельства, чтобы произвести такое явленіе. Надо было жить сперва въ сосѣдствѣ Турокъ, потомъ подъ австрійскимъ владычествомъ, познакомиться съ Поляками, войти въ соприкосновеніе съ Венграми, чтобы наконецъ собрать себѣ въ душу всѣ славянскіе элементы, сдѣлаться какъ бы представителемъ всего народа, болѣть его ранами, услаждаться его радостями, питать его надежды“ *. Въ Вѣнѣ на этотъ разъ Погодинъ узнаетъ о новыхъ трудахъ Вука Караджича, успѣвшаго собрать многочисленныя матеріалы во время своихъ путешествій, совершенныхъ между первымъ и вторымъ знакомствомъ Погодина съ нимъ. Погодинъ видится и съ Копитаромъ, отдаетъ справедливость его учености и старается объяснить его отрицательныя отношенія къ современнымъ стремленіямъ славянства. „Онъ не раздѣляетъ славянскихъ восторговъ, сказано въ „Дорожномъ дневникѣ“, не вѣритъ никакой лучшей будущности для славянскаго народа, выражаетъ рѣзко свои мнѣнія и по тому подвергается разнымъ подозрѣніямъ. Я не вѣрю имъ по тому, что Копитаръ любитъ славянскій языкъ, занимается онъ безпрестанно и принимаетъ живое участіе во всякомъ новомъ открытіи. Къ его характеристикѣ прибавить надо, что онъ пылкій католикъ въ душѣ и имѣетъ нѣчто воль-

* Годъ въ чужихъ краяхъ, ч. I, стр. 130.

теровское, саркастическое во взглядѣ на предметы. Жаль, что такой знаменитый славянинъ находится въ непріязненныхъ, хотя бы только и повидимому, отношеніяхъ къ своимъ единоплеменникамъ, и встрѣчаетъ насмѣшками и недобвѣрчивостію все самыя радостныя для нихъ явленія. Повторяю: это происходитъ изъ его характера и убѣжденія, а не изъ умысловъ и изъ видовъ.“ *)

Извѣстно, что послѣ этого путешествія Погодинъ представилъ въ письмѣ къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, графу С. С. Уварову, главные выводы изъ своихъ наблюденій надъ положеніемъ австрійскихъ Славянъ и указалъ на нѣкоторыя мѣры, которыя могли бы сблизить Россію съ остальными Славянами, по крайней мѣрѣ въ области науки и литературы. Это письмо начинается общою картиною положенія Славянъ въ Австріи, отношенія къ нимъ центральнаго правительства и согражданъ нѣмецкаго происхожденія. Картина живая, рѣзкая, но исполненная правды. Указавъ затѣмъ на общее народное пробужденіе австрійскихъ Славянъ, Погодинъ переходитъ къ обсужденію разныхъ политическихъ вѣроятностей, при помощи которыхъ могли бы измѣниться судьбы австрійскаго Славянства и о которыхъ онъ слышался отъ самихъ же Славянъ. Переходя затѣмъ къ средствамъ литературнаго и умственнаго сближенія Россіи съ остальными Славянами, Погодинъ говоритъ уже и о турецкихъ Славянахъ, Болгарахъ и Сербгахъ. Все тѣ виды нравственной помощи этимъ двумъ народностямъ, которыя потомъ признаны были необходимыми и русскимъ правительствомъ, и русскимъ обществомъ, исчислены были Погодинымъ еще въ 1839 году. Далѣе, изобразивъ народный характеръ польскаго племени, онъ указываетъ на необходимость поднять изученіе польской исторіи въ Россіи, оказать пособіе польскимъ ученымъ и литераторамъ, предпринявшимъ непосильные для частнаго человѣка труды. Относительно Чеховъ, Словаковъ, Австрійскихъ Сербовъ и Хорватовъ онъ рекомендуетъ поддержку ихъ ученыхъ об-

*) Тамъ же, стр. 161.